

Елена САФРОНОВА - прозаик, литературный критик-публицист.

Окончила Историко-Архивный Институт Российского Государственного Гуманитарного Университета в Москве (1990–1995 год).

Как литературный критик, публицист и прозаик печатается в литературных журналах «Знамя», «Октябрь», «Вестник Европы», «Родомысл», «Урал», «День и ночь», «Литературная учеба», «Дети Ра», «Кольцо «А» (журнал Союза писателей Москвы). «Новый Ренессанс», «Бельские просторы», «Утро (Рязань)», «Первоцвет» (Иркутск).

Прозаические произведения выходили в сборниках: «"Пролог" (молодая

литература России) –2007»; «Новые писатели» за 2006 год; «Первовестник» Астафьевского фонда 2007 года; сборнике фантастики «Аэлита – 2008», антологии «Русская фантастика – 2013», альманахе «Литеры» Союза писателей Москвы.

Автор рецензий на книги современных авторов, выходящих в «НГ – Экслибрис». Автор книг критико-публицистических статей «Все жанры, кроме скучного», М., Вест-Консалтинг, 2013, «Диагноз: Поэт», М., Арт Хаус Медиа, 2014.

Рассказ «Виртуальное зачатие» удостоен диплома лауреата литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Проза» 2005 года. Повесть «Жители ноосферы» вошла в лонг-лист литературной премии «Ясная Поляна» 2009 года.

Лауреат Астафьевской премии в номинации «Критика и другие жанры» 2006 года, премии журнала «Урал» в номинации «Критика» 2006 года, премии журнала СП Москвы «Кольцо А» в номинации «Критика. Обзор журнала» 2007 года. Дипломант 6-го Волошинского литературного конкурса 2008 года в критической номинации. Лауреат премии Санкт-Петербургского литературного журнала «Зинзивер» за 2008 год, журнала «Дети Ра» за 2009 год за книжные рецензии. Лауреат премии «Венец» 2013 года в номинации «Критика».

Член Русского ПЕН-клуба, Союза писателей Москвы, Союза российских писателей.

Живёт в Рязани, работает в Москве.

От редакции:

Елена Сафронова справедливо пишет: «Всё сказанное здесь, разумеется, мои чистые рассуждения, не претендующие на научность и даже объективность», Это верно. Нам кажется, что, восставая против трактовки Лермон-

това в духе «школьного патриотизма», автор впадает в другую крайность, чуть ли не делая поэта «чужим среди своих». Однако контрастная точка зрения имеет право на существование и побуждает к дальнейшей работе мысли, к углублению понимания судьбы русского гения.

НЕТ, Я НЕ БАЙРОН, Я ДРУГОЙ...

...Мы с мужем приехали в Тарханы жарким июньским днём. Указатель с многоступенчатой надписью белел на трассе издалека, точно парус одинокий в тумане моря голубом. Приблизившись, мы увидели на каменной стеле хрестоматийный профиль Лермонтова в фуражке.

Дорога на усадьбу сворачивала с междугородной трассы под прямым углом. За поворотом открывался идиллический вид – словно два века долой: ветряные мельницы над золотящимся полем, зыбкие в очертаниях от зноя, но реальные и даже работающие (потом оказалось, что на мельницах постоянно мелют ржаную муку, а из неё пекут крестьянский кислый хлеб, которым потчуют гостей в столовой музея-заповедника). После мельниц дорога сделала поворот, и перед нами предстала горстка домов и огромный зелёный парк – собственно Тарханы.

Жара была такая, что хотелось на неё «свалить» странную пустоту – в смысле безлюдность – усадьбы. На парковочной площадке, когда мы прибыли, стоял одинокий экскурсионный автобус. Барская усадьба манила зеленью, призрачной прохладой пруда и тенистых аллей. Но, не ища лёгких путей, мы интуитивно направились в сторону села, которое раньше называлось Михайловским, а теперь Лермонтовским. Нас привлёк шпиль церкви, заметный с дороги, хотя в таком зное его можно было принять за мираж.

Посещая музеи и прочие достопамятности, мы ведём себя, как дети: не штудируем заранее путеводители, а всё узнаём на месте. Таким методом ненаучного тыка мы узнали, что рядом с сельской церковью Михаила Архангела (вероятнее всего, давшей населённому пункту первоначальное название), расположен семейный склеп Лермонтовых: бабушка, дедушка, мама и Миша. Отец, нелюбимый зять четы Арсеньевых, погребён где-то на сельском кладбище, до которого мы не дошли (причём перезахоронен в 1974 году, ранее покоился в Тульской губернии).

В склепе было зябко. Черномраморный аскетичный обелиск притягивал взгляд золотыми буквами – «Михайло Юрьевичъ Лермонтовъ». За ним прятались скромные колонны склепа деда поэта, Михаила Васильевича, и матери, Марии Михайловны. Надпись о захоронении тела бабушки Елизаветы Алексеевны выгравирована на стене склепа под окном. Один угол усыпальницы ограждали решётка и верёвочка. Оказалось, там лестница вниз, в ещё одно помещение, где стоит свинцовый гроб, скрывающий в себе деревянный, а тот, в свою очередь – бранные останки великого поэта.

Некоторое время назад гроб Лермонтова тоже был экскурсионным объектом, но потом пускать вниз туристов перестали. Мне лично кажется, что это гуманно. Гораздо приятнее думать, что поэты умирают в небесах, чем созерцать последний приют тела... Пусть Лермонтов запомнится всегда живым! Ведь стоит же в Доме ключника под стеклом кусок ствола толстого вяза, на котором висели качели маленького Миши!.. Ход наивный, но милый и даже эффективный в плане реконструкции – ведь на территории усадьбы от этого вяза остался неохватный пень, почти выросший в землю, и пень, как почти всякие руины, скорее, огорчает, нежели впечатляет.

Впрочем, к усадьбе «Тарханы» не применим – за исключением вяза – околореконструктивный термин «руины». Музей-заповедник выглядит – да простят мне кощунственное сравнение! – жизнеспособнее и привлекательнее, пожалуй, чем более знаменитое Михайловское Пушкина. Причём ощущение, близкое к уверенности – что это превосходство сохранилось ещё с той поры, когда усадьба была жилым домом с угольями. Налаженное хозяйство, обустроенный дворянский быт, жизнь челяди и крестьян – всё это как будто наложило отпечаток на сегодняшний музей. Его территория меньше, чем у Михайловского господ Ганнибалов, но спланирована и устроена гармоничнее; глаз отдыхает на геометрически строгих линиях – как будто архитектурный стиль ампира усадебной церкви святой Марии Египетской «отражается» во всей конфигурации имения. Единственный «чужеродный» прямоугольному, рациональному ампиру элемент усадьбы, памятник юному Лермонтову, притулившийся возле живой изгороди из пышных кустов, в стороне от аллеи, ведущей к барскому дому, расположился с каким-то сиротством... Как будто обширное хозяйство и рукотворная красота усадьбы не имели к Мише никакого отношения. Впрочем, почему «как будто»?

Пока мы кланялись могилам, из усадьбы испарились практически все посетители. Мы были последними гостями комплекса усадебных строений в тот день. Пока добрались до господского дома, зрители уже несколько нервно поглядывали на часы. Экскурсию мы не заказывали, чтобы никто третий – при всём уважении к музейным работникам! – не стоял между нами и Михаилом. Мы бродили по комнатам, смотрели на портреты, книги, посуду, примитивную географическую карту и азбуку, по какой Миша учился грамоте – и я декламировала мужу стихи, которые запомнила со своего отрочества.

Примерно в те годы, когда Михаил Лермонтов написал своё «Желание» – не путать с «Желаньем», хорейским стихотворением с бойким, как у чапушки, зачином: «Отворите мне темницу, дайте мне сиянье дня!» – я прочитала эти стихи, и они навсегда остались со мной:

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит,
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом
И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробуждён,
Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
Увядает среди чуждых снегов;
Я здесь был рождён, но нездешний душой...
О! зачем я не ворон степной?

Муж признался, что о Лермонтове не знает почти ничего, слава советской школе. У него ходила в самых нелюбимых педагогах литераторша Валентина Фёдоровна – судя по рассказам Вячеслава, неприязнь она заслужила, будучи несправедлива к ученикам, а её манера преподавания отвратила парнишку от интереса к литературе на многие годы. Случай, к сожалению, не уникальный... Значительно позже Вячеслав открыл для себя удовольствие чтения не «по программе» и не «ради оценок». Теперь кусает локти – много времени упущено, много достойных книг не прочитано! В том числе – стихи Лермонтова. У него осталось в памяти одно лишь «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...»

Что и говорить о легенде, породившей стихотворение «Желание» – о святой вере Михаила Лермонтова в то, что он был потомком шотландского барда Томаса Лермонта, Томаса-Рифмача или Томаса-Стихоплёта, ещё называемого Томом из Эрселдуна, будто бы не скончавшегося, а ушедшего из мира живых за двумя белыми оленями, которых послала за ним королева фей, покорённая его песнями!.. Это предание явилось для Вячеслава новостью. Он было не поверил... но тут мы вошли в кабинет Лермонтова, и

там над письменным столом я с торжеством показала супругу портрет сэра Вальтера Скотта, шотландского баронета, в клетчатом плеле. Он соседствовал с портретом Байрона в модном сюртуке. Может быть, эти два изображения были для Михаила не более, чем данью моде, – писатели для середины XIX столетия считались, что называется, «культовыми». А может быть, Вальтер Скотт казался «последнему потомку отважных бойцов» родной душой...

Мы гуляли по Тарханам, дошли до прудика, украшенного ротондой, перевалили мостик через протоку и упёрлись в проволочную ограду, за которой простиралось типично российское непонятно что, вернулись назад, к воротам усадьбы. И всё это время я читала мужу стихи не из хрестоматии. У меня с Лермонтовым сложились особые отношения. С 6-го класса школы мне выпала беспримерная чехарда учителей, так сказать, словесности – именно «так сказать», ибо в какие глубины словесности мог погрузить педагог, проработавший с классом от двух месяцев до учебного года?.. В 8-м классе, когда Лермонтова «проходили мимо» особенно активно – в связи с препарацией «Героя нашего времени» – вообще вызывали с пенсии пожилых дам. Одна была с комсомольским прошлым. Из её уст, понятно, никакого «Желания» невозможно было услышать. Только «Родину» и «Как часто, пёстрою толпою окружён...». В общем, у каждого своя Валентина Фёдоровна...

Окружённая собственной «пёстрою толпой», я и тогда любила Лермонтова за то, на что не обращали внимания учебники литературы. А правильно ли вообще оные учебники понимали Михаила Юрьевича?..

Что входило в школьную программу из его богатейшего наследия? «Бородино», «На смерть поэта», «Родина» – вот, пожалуй, те три кита, на которых должна была базироваться любовь к Лермонтову! Батальное полотно и надрывное прощание с Пушкиным не хочется «пересматривать». А вот «Родину» постигла злая участь – её первая строка на слуху, её повторяют с насмешкой по поводу и без: «Но странною любовью!». Но многие ли помнят, откуда эти слова?

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Объектом «странной любви» к родине у Лермонтова является вот что:

Но я люблю – за что, не знаю сам –
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям...

Как гласят учебники? Гласят, а не «гласили», ибо до сих пор в Интернете находится анализ в том же духе (наверное, эти анализы пишут и размещают в сети Валентины Фёдоровны, или, если эти почтенные дамы в силу возраста уже не у дел, или просто не умеют компьютер включать, их примерные ученицы):

«В этом стихотворении Лермонтов противопоставляет свой патриотизм патриотизму официальному, казённому. Он заявляет о своей кровной связи с русской, родной ему природой, с русским народом, «горестями и радостями его жизни. Свою любовь к родине Лермонтов называет «странной» потому, что он любит в своей стране народ, природу, но ненавидит «страну господ», самодержавно-крепостническую, официальную Россию».

Наблюдение справедливо наполовину – русская природа Лермонтову вправду симпатична; трудно не заметить, что наибольшее восхищение в нём вызывают явления неодушевлённые! Степи, леса, реки, ночной путь – что немаловажно, одинокий!..

Просёлочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень...

Психологически куда более достоверно сладкое упоение своей неприкаанностью, одиночеством в ночи – тщательно срежиссированным, нарочно выбранным одиночеством! – следованием к намеченной цели, к «ночлегу» в каком-то сакральном смысле – может быть, это метафора недостижимого замка Томаса Лермонтова? – ибо «деревни печальные» как пристанище, даже временное, не котируются!.. Поэт ведь провожает взглядом их «дрожащие огни», но не сворачивает к этим зыбким светлякам – в степи-то ночевать привлекательнее для того, кто твёрдо знает – он «из другого теста», чем все жители этой неудобной и нелюбимой страны... Любил он свою мифическую Шотландию, а не реальную Россию, проигрывающую, естественно, мечте – ибо не способна действительность одолеть по части привлекательности Фату Моргану!..

Почему-то в Тарханах я в этом убедилась. На энергетическом уровне. Выстроились в логический ряд все образы из самых известных стихов Лермонтова – дубовый листок, оторвавшийся от ветки родимой, три гордые пальмы, бездарно порубленные караванщиками на дрова, парус, просящий бури, пленный рыцарь... Извините меня – а «Выхожу один я на дорогу»? Это же готовая духовная практика медитации – в медитативном сне Михаил был готов провести тысячелетия – подобно ламе Итигелову! А Мцыри, убежавший из монастыря и жалевший не о том, что был во время добровольного скитания потрепан барсом, а лишь о том, что «вкушая, вкусих мало мёда»?.. А Печорин, извините за выражение, лишний человек, чью «лишность» Валентины Фёдоровны рассматривали только в контексте

социальном? – мол, в душном николаевском обществе всякий деятельный человек становился лишним, потому и превращался в эгоиста... Квинтэссенцию пошлости советского раскрытия образа Печорина высмеял Анатолий Рыбаков в «Кортике», устами интеллигентного мальчика, но правого пионера Славы: «Печорин эгоист! Губит Бэлу, обманывает Мери – правда, она княжна...». Крестьянку обманывать «западло», а княжну – можно, это классово верно!

Печорин – развитие тех образов мизантропов, которыми полна поэзия Лермонтова! А мизантропами лирические герои Лермонтова становятся вряд ли из-за одной «николаевской реакции». Даже если она и причастна к его «миграции в себя» и в выдуманный мир идеальной Шотландии, то в качестве ещё одной соломинки, ломающей спину верблюда, а не первопричины.

Я не знаю, какие ещё художественные доказательства нужны, чтобы доказать, что Михаил холил, лелеял и культивировал как основной лейтмотив творчества своё одиночество и то, что он, как бы это помягче, очевидно «слишком хорош» для сего пошлого мира!.. И любил он свою боль, свои страдания от собственной непонятости, неуместности здесь. Отними у него «нездешнюю душу» – и Михаил зачах бы физически!.. К счастью или к несчастью, но душу и мечту отобрать никому не под силу. Репрессии, которым подвергался Лермонтов (не без оснований!), не перевесили мечты – наоборот, убедили его в том, что «среди чуждых снегов» он у всех как бельмо на глазу, и страдания его оправданны!..

Но в таком «индивидуалистическом» контексте Лермонтова никогда не читали. Впрочем, виновата, может, и читали, просто я не в курсе. А всё-таки хрестоматийное предложение к пониманию диаметрально иное, классовое, и «Родина» – самый выразительный тому пример.

Не вижу, честно говоря, в стихотворении «Родина» особого проявления любви к народу, тем паче – ощущения причастности поэта к его радостям и благосостоянию. Конечно, «полное гумно», «изба, покрытая соломой», и «с резными ставнями окно» – признаки зажиточного крестьянского хозяйства – перечислены в стихотворении, да только идут они через запятую с нивами, берёзами и вышеперечисленными природными красотами! Как знать, может, в этих мельком упомянутых символах благополучия крестьян сказалось всего лишь удовлетворение хозяина достатком своих подданных – оброк будет славный!.. Не исключено, что Михаил просто повторил слова своей рачительной бабушки...

А уж последняя строфа вообще никак в рамки любви к народу не укладывается!

И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Впечатление у меня от этих строк, напротив, неуважения к мужикам. Ну чистый зоопарк! – восхищается поэт, – мужички пляшут!.. Забавно же!.. Ну, пусть попляшут, жалкие, ничтожные людишки...

У Лермонтова очень часты «проговорки», буквально фонтанирующие неуважением ко всем и вся:

«К*»

Делись со мною тем, что знаешь;
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь:
На кой мне чорт душа твоя!...

Из Шиллера – предупреждают собрания сочинений. Ну да, перевод. Но ведь автор сам выбирает, что переводить, не так ли? Отчего же из всего наследия Гёте и Шиллера Михаилу оказались близки только недостижимые «горные вершины», одинокие сосна и пальма и вот эта салонная грубость?..

«Проговорок» о том, что Лермонтов не воспринимает себя как русского, у него ещё больше:

Москва, Москва!.. люблю тебя как сын,
Как русский, – сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.

Если бы считал себя русским человеком, наверное, сформулировал бы иначе: «Я русский, и потому люблю...» – а у него явственно звучит: «Подобно русскому, я люблю то, что для русского свято».

Всего одно есть у Лермонтова стихотворение, в котором он словно бы не сомневается в собственной «русскости»:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит,
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? кто
Толпе мои расскажет думы?
Я – или бог – или никто!

Но и тут, если дочитать до конца, становится понятно: ключевое слово не «русская душа», а «другой». В том смысле, что он всегда и всем «другой», чужой. Конечно, как он может быть не чужим, если только он сам и Бог знают его думы?..

Отчего одним из посылов в этом стихотворении стала «русская душа» (так и просится из подсознания эпитет «загадочная», а я замыленному штампу усиленно сопротивляюсь, так как всё это эссе – о пользе слома стереотипов!)? Не знаю. Впрочем, и Валентина Фёдоровна тоже не знает. Я могу лишь предположить то, что вряд ли предположит учительница со стажем: истоки «русской души» кроются в другом известном стихотворении Лермонтова – «Как часто, пёстрою толпою окружён...». Помните его вызывающий финал:

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнёт мечту мою,
На праздник незваную гостью,

О, как мне хочется смутить весёлость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

Лирический герой открыто декларирует, что своему неуважаемому окружению он никогда не откроет душу, не сообщит никакой, даже мельчайшей, правды, а будет, наоборот, всякие пакости в глаза лепить. Без каких-либо угрызений совести – они сами виноваты, что не способны соответствовать поэту, который с Богом «на дружеской ноге»... И вообще, они меня первыми обманули!..

Проще говоря, всё, что бы Лермонтов ни говорил высшему свету, надо делить на шестнадцать. С чего бы тогда «русской душе» в его стихах быть истинной?

Лермонтов (с этим и Валентина Фёдоровна согласится!) выработал для светского общества особое – конфронтационное – поведение. За то, что они такие, а он – другой, за то, что они своими нелепыми ритуалами всё время «спугивали» его мечту (об идеальном мире, прародине Шотландии). «Пёстрой толпе» он не считал зазорным врать, обманывать их, – вероятно, и о «русской душе» немного приврал, не сумев скрыть иную, более важную правду. Он «другой». Как он думал о России, явствует из знаменитого стихотворения «Прощай, немытая Россия!». Валентина Фёдоровна сказала бы, что оно адресовано его гонителям жандармам. О нет, формулировка «немытая» гораздо шире. Вся она, Россия, немытая, спасение от неё – только на Кавказе! Кавказ, наверное, своими горами ассоциировался с любимой Шотландией...

Всё, сказанное здесь, разумеется, мои чистые рассуждения, не претендующие на научность и даже объективность – какая может быть объективность

у субъекта?.. Почитав стихи Лермонтова, понимаешь, что никакой. Но вокруг трагической фигуры Михаила Юрьевича Лермонтова в последние годы кипят такие страсти... Диву даёшься – сколько людей, оказывается, не удовлетворила дистиллированная водичка от Валентины Фёдоровны!.. Особенно ажиотажна стала сегодня тема происхождения Лермонтова, исследователями написано как минимум две книги, высказывающие версии об отце поэта – вы удивитесь, но кого только на это место ни прочили!.. Мне совершенно не хочется переходить с полёта фантазии на язык научного изыскания и «критики текста». Позволю себе лишь одно умозаключение. Может быть, те книги написаны потому, что их авторы искали причины «абстрагирования» Лермонтова от России и русского народа в его национальности? Если так, то авторы, кажется, усложнили посыл – или упустили из виду психологический аспект. Не обязательно быть чуждым по крови – достаточно представлять себя «чужим» в какой-либо среде, придумав для того достаточное обоснование. И «питательная среда» для язвительных стихов обеспечена!

Понятно, что литературоведам и историкам нужны более весомые доказательства, чем эфемерные психологические реконструкции, расплывчатые уже потому, что ни один психоаналитик не может сейчас побеседовать с Лермонтовым – разве что спиритический сеанс провести... Но не факт, что Михаил Юрьевич и на таком сеансе сказал бы правду!

Мне больше всех версификаций нравится любимая самим Михаилом «шотландская» история своего рода и таланта. Её поддерживает авторитетный критик Владимир Бондаренко (см. статью «Чухломские корни Михаила Лермонтова» в «Литературной России», № 9 от 2 марта 2012 года). Недавно Бондаренко выпустил книгу в серии «ЖЗЛ»: «Лермонтов. Мистический гений». На момент гостевания в Тарханах я ещё об этой книге не знала. Теперь знаю. Надо её прочитать – авось, поможет обрести «золотую середину» между скудной хрестоматийностью и буйными креативами!..